

Действительно, к Ивану Грозному был долгое время приближен Елисей Бомелий, о котором сохранилось мнение как о «лютом волхве».⁹⁵ К моменту кончины Грозного, по свидетельству Горсея, в Москву были свезены более 60 лопландских волхвов, которые предсказывали ему по звездам.⁹⁶ Наконец, в «Сказании некоего боголюбивого мужа», героем которого, по-видимому, выведен Грозный, описывается приближенный к царю чародей, пользовавшийся огромным влиянием на царя и производивший с ним гадания почти каждый день.⁹⁷ Судя по всему, Иван IV относился к характерным суевериям XVI в. как человек своего времени. Поэтому постановка вопроса о том, не принадлежал ли к его ближайшему окружению автор крупнейшей русской компиляции на темы мантики и астрологии, вполне правомерна.

Книга Рафли заслуживает внимания исследователей как памятник, очень широко очерчивающий круг жизненных интересов человека XVI в., важный для изучения культуры и быта, а также социальной психологии. Особое значение ей придает существование русского автора-составителя, отличавшегося исключительной для своего времени эрудицией и разнообразием интересов. Он был известен не только в среде псковских книжников, но и при дворе Ивана Грозного. Необычно широкий круг интересов Ивана Рыкова, в который входили античная мифология, естественные науки и тайные знания, элементы самостоятельного художественного творчества рисуют его как яркую и своеобразную фигуру, не чуждую тенденций Ренессанса.

В связи с вопросом о подобных тенденциях Ф. Лилиенфельд указала на некоторые черты сходства деятельности аббата Тритгея (Тритгейма) и его русского современника, еретика Федора Курицына.⁹⁸ Как тот, так и другой интересовались тайными знаниями и наряду с этим работали над усовершенствованием систем тайнописания. Параллелизм развития некоторых тенденций западноевропейской и русской культуры оказывается еще более значительным, если дополнить это сопоставление сравнением деятельности ученика аббата Тритгея Агриппы Неттесгеймского⁹⁹ и псковского книжника Ивана Рыкова. Агриппа — автор крупнейшего и наиболее авторитетного сводного трактата «О сокровенной философии» (т. е., как он сам поясняет, — магии). Напомним, что трактат Агриппы открывается обращением к Тритгею. Учение, которое излагает Агриппа, основано на астрологии и кабале. Эта сторона деятельности Агриппы сближает его с Иваном Рыковым, составителем крупнейшего русского гадательного трактата. Агриппа был не чужд естественнонаучных интересов, лежащих, в частности, в области медицины, алхимии. Он получил гуманистическое образование и переписывался с видными гуманистами (например, с Эразмом Роттердамским). Эти черты перекликаются с естественнонаучными интересами Ивана Рыкова, с наличием в его творениях сведений по античной мифологии. И Иван Рыков и Агриппа были связаны с придворными кругами. Агриппа в молодости был секретарем императора Максимилиана I, позднее — медиком при французском дворе. Декларативное православие Ивана Рыкова также

⁹⁵ Псковские летописи. М., 1955, вып. 2, с. 262.

⁹⁶ Севастьянова А. А. Записки Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII в.: (Разновременные слои источника и их хронология). — В кн.: Вопросы истории и источниковедения истории СССР / Сборник трудов. М., 1974. с. 111—113.

⁹⁷ Буслаев Ф. И. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 877—882.

⁹⁸ Лилиенфельд Ф. Иоани Тритгейм и Федор Курицын; Lilienfeld F. von. Die Häresie des Fedor Kuricyn, S. 39—64.

⁹⁹ Орсье Ж. Агриппа Неттесгеймский. М., 1913; Orsier J. Henri Cornelis Agrippa, sa vie et son oeuvre d'après sa correspondance. Paris, 1911; Prost M. A. Corneille Agrippa, sa vie et ses oeuvres. Paris, 1881—1882, v. 1—2.